

Вокруг Повести о Василии Рязанском («О граде Муроме и о епископыи его, како преиде на Рязань») в исследовательской литературе завязался спор, напоминающий дискуссию об авторе Повести о Петре и Февронии. М. О. Скрипиль относит эту повесть к циклу легендарно-политических сказаний второй половины XV в.³⁵ И. Шляпкин высказал мнение, что автором литературной обработки повести можно считать Ермолая-Еразма.³⁶ Это предположение поддержал В. Ф. Ржига,³⁷ мнение которого оспаривал Ю. А. Яворский.³⁸ Аргументы, приводимые в пользу авторства Ермолая-Еразма, очень близки тем, которые приводятся в отношении первой редакции Повести о Пётре и Февронии.

Решение вопроса о времени написания повести, так же как в случае с Повестью о Петре и Февронии, во многом зависит от текстологического изучения всех рукописных списков повести. Повесть дошла в виде самостоятельного произведения и в составе «Жития князя Константина и чад его Михаила и Федора».

Полного сопоставления между собой всех редакций повести и одновременно с текстом жития никто не проводил. Повесть была издана несколько раз по отдельным спискам.³⁹ Необходимо выявление всех списков повести и издание по всем редакциям.

В XV в. в повествовательной форме был обработан с определенной политической целью ряд местных легенд. При новгородском архиепископе Евфимии II возник цикл сказаний, созданных вокруг имени первого новгородского архиепископа Иоанна. Появление этих сказаний тесно связано с политической жизнью Новгорода того времени; сами сказания представляют интерес и как литературные памятники.⁴⁰

Все они изданы по отдельным случайным спискам. Новому изданию их должна предшествовать большая исследовательская работа. Эти сказания настолько связаны друг с другом, что представляют собой единый цикл, и изучение их возможно только при одновременном исследовании всех сказаний вместе. Сохранились эти произведения и в отдельных списках, и в составе жития Иоанна Новгородского,⁴¹ и в летописях, включались в службы и торжественники.

Центральное место в цикле легенд, связанных с Иоанном Новгород-

³⁵ М. О. Скрипиль. Легендарно-политические сказания древней Руси. — Доклады и сообщения, Филологический институт ЛГУ. Л., 1950, вып. 2, стр. 61—62.

³⁶ И. Шляпкин. Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Ивана Грозного. — Сборник «Сергею Федоровичу Платонову — ученики, друзья и почитатели». СПб., 1911, стр. 563—565.

³⁷ В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма, стр. 163. Это мнение разделяется в статье А. А. Зимина «Ермолай-Еразм и Повесть о Петре и Февроний» (стр. 232—233) и в статье Г. К. Вагнера «Повесть о рязанском епископе Василии» (ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 174).

³⁸ Ю. А. Яворский. К вопросу о литературной деятельности Ермолая-Еразма, стр. 231—298.

³⁹ 1) «Повесть о водворении христианства в Муроме» по списку Румянцевского музея, № 364 (Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 229—237); 2) по списку собрания Худова, № 147 (Сборник «Сергею Федоровичу Платонову — ученики, друзья и почитатели», стр. 563—565); 3) «Повесть о чудеси пречистыя Богородица о граде Муроме и о епископе его како прииде на Рязань» (шифр рукописи не указан) (Летописи русской литературы и древности, т. II, отд. 3, стр. 97—99).

⁴⁰ История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 262—264.

⁴¹ В. О. Ключевский писал о житии: «Почти все его содержание состоит из легенд о построении Благовещенского монастыря, о Знамени, о путешествии в Иерусалим на бесе и о мести последнего владыке ..., упомянутые повести и житие написаны в конце 70-х или 80-х годах XV в.» (Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 162, 164).